

УДК 316.3

«БЕДНЫЕ ЛЮДИ» В БОГАТОЙ РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД*Поплавская И.А.**Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва***"POOR PEOPLE" IN RICH RUSSIA: SOCIOLOGICAL VIEW***Poplavskaya I.A.**M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow*

В статье рассматриваются изменения в структурах социальных неравенств.

Ключевые слова: социальная структура, бедные слои населения, прожиточный минимум, социальное неравенство.

The article discusses changes in the structures of social inequality.

Key words: Social structure, poor, subsistence, social inequality.

Последние два десятилетия жизнь страны ознаменовали быстрые изменения, которые одновременно затронули политическую, экономическую и духовную сферы жизни общества. Формирование многоукладной экономики, появление новых видов доходов и значительная дифференциация привели к возникновению новых социальных общностей с различными взаимосвязями и иерархическими построениями.

За этот период радикально изменилась сама природа структурообразующих элементов, которые интегрируются в новую социальную структуру по очень сложной и противоречивой схеме. Разделенные на социальные страты и слои, имея собственные экономические интересы, представители разных социальных групп различаются как поведением на рынке труда, потребительском рынке, так и ориентацией на разные социально-экономические, политические и духовные ценности.

Произошедшая в результате экономических реформ дифференциация общества по критерию доходов привела к невероятным масштабам его социальной поляризации. Первый новый общественный феномен, возникший в 1990-х гг., - это многочисленный слой бедных. Российский вариант реформ обеспечил правящей верхушке обладание всей государственной собственностью, а большинство населения обрек на бедность и нищету.

В массовом сознании россиян есть устойчивое представление о том, что именно выступает признаками бедно живущего человека.

Характерными признаками образа жизни бедных для большинства россиян выступают плохое питание; недоступность приобретения новой одежды и обуви; плохие жилищные условия; недоступность качественной медицинской помощи; отсутствие возможностей получить хорошее образование, удовлетворить первоочередные нужды без долгов, провести так, как хочется, своё свободное время, а детям – добиться того же, что и большинству их сверстников. Такие представления, в сущности, обозначают разного рода жизненные лишения.

По данным Росстата, численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в 2010 г. составила 18,6 млн. человек, что составило 13,2% от общей численности населения [1]. Даже по официальным данным количество бедных в нынешней России эквивалентно населению средней европейской страны. Но эти цифры не отражают реального положения дел в стране. Бедных в нынешней России значительно больше, чем утверждает официальная статистика, считает руководитель Российско-Балтийского центра Института социологии РАН Р.Х. Симонян [2].

Главным критерием определения уровня бедности выступает прожиточный минимум, установленный на базе минимальной потребительской корзины. Ведущие научные сотрудники Института экономики РАН оценивают его следующим образом: «Ни структура, ни в еще большей степени, сама величина прожиточного минимума не соответствуют стоимости набора средств, необходимых для осуществления воспроизводственной и социальной функций доходов. Объем потребления мяса, рыбы, овощей и фруктов отстает не только от норм, принятых в развитых странах, но и от норм бывшего СССР. Официальные наборы норм продовольственных и непродовольственных товаров, включенные в прожиточный минимум, отражают пожелания экспертов, а не реальные особенности потребления населения» [3].

Директор Всероссийского центра уровня жизни В. Бобков, отмечая, что официальный прожиточный минимум, учитываемый статистикой при определении числа бедных, явно занижен, констатирует: в 2007 г. треть населения России составляли бедные, еще одну треть - низко- и среднеобеспеченные. И только около 10% - состоятельные и богатые. Количество бедных в России он определяет в 50 млн. человек [4].

У россиян существуют четкие представления как о «черте бедности», т. е. том уровне доходов, который обеспечивает прожиточный минимум, так и о конкретных признаках бедности. Если говорить о среднедушевых ежемесячных доходах, то в среднем по России «черта бедности» составляет в нынешний период, по мнению населения, около 9000 руб., т.е. порядка 60% от средних доходов основной массы россиян (без учета наиболее обеспеченных 5%, практически не попадающих в выборки массовых опросов). Установленная официально в России «черта бедности» (прожиточный минимум) ниже массовых представлений о ней примерно в 1,3 раза [5]. Однако такой разрыв существенно отличается по регионам и типам поселений, отражая разницу стоимости жизни в них. Российская бедность очень многолика, неоднородна и чувствительна к инструментам её измерения.

По данным Левада-Центра, в июне 2008 г. (период пика мировых цен на нефть) в России прожиточный минимум население оценивает в 2 раза выше его официального уровня, при этом 21,8% населения едва сводит концы с концами, и их доходов не хватает даже на еду, еще 40,5% балансируют на грани абсолютной бедности, им хватает средств на еду, но не хватает на одежду [6].

В 2008 г. сотрудниками Института социологии РАН под руководством директора института чл. - корр. РАН М. К. Горшкова совместно с "Горбачев-Фонд", по общероссийской репрезентативной выборке, было проведено комплексное исследование социального неравенства. Его результаты показали, что более трети населения России живет за порогом или на грани бедности, а 7% находятся в состоянии крайней бедности или глубокой нищеты. Еще 14% бедных фактически также прочно "застряли" в этом состоянии. Кроме того, 17% населения пребывает в состоянии постоянного риска бедности, хотя пока им удается удерживаться "на плаву", балансируя на грани бедности и малообеспеченности, и численность этой "группы риска" возрастает [7].

Эта негативная тенденция фиксируется социологами на фоне происходящего в последние 10 лет уменьшения во всех регионах мира численности бедных [8].

За годы реформ, подчеркивает профессор МГИМО А. Вдовин, реальная заработная плата в России снизилась почти в 2,5 раза, среднедушевой доход - в 2 раза [9]. В стране увеличивается поляризация личных доходов. На ее усиление направлено и государственное распределение доходов: и тот, кто получает миллион долларов в месяц, и тот, кто 200 долларов в месяц, платят одинаковый налог - 13%. Отмечаемый с 2000 г. официальной статистикой 10%-ный рост реальных доходов россиян в основном касается небедных

социальных слоев. По расчетам, проведенным в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН, в 2007 г. на каждые 100 рублей прироста ВВП в расчете на душу населения у бедных доход увеличивается на 5 рублей, а у богатых на 200 рублей. В нынешней России глубокое социальное расслоение усиливается: богатые становятся богаче, а бедные беднее. К этому стоит добавить, что в 1999 г. в России было 10 официальных долларовых миллиардеров, а в 2013 году, по данным Forbes от 18.02.13, их стало 131.

В России 1% самых богатых получает 40% всех национальных доходов, тогда как даже в США этот же 1% самых богатых располагает лишь 8% [10].

Безработица – одна из социальных проблем, порожденных экономической реформой. В конце 2011 г. общий уровень безработицы в России составил 6,6%. Средний возраст этой категории экономически активного населения 35,4 лет [1]. Но и эти цифры официально зарегистрированных безработных не дают полного представления о ситуации на рынке труда. Скрытая безработица по оценкам экспертов составляет 13-16% от числа трудоспособного населения. Среди тех, кто остался без работы и официально признан безработным, 43% имеют несовершеннолетних детей.

В ноябре 2012 года социологическим центром МГСУ было опрошено 300 безработных москвичей, имеющих несовершеннолетних детей. Ответы позволили оценить самооощущения респондентов и динамику материального положения семьи. Для 39% опрошенных после потери работы ситуация изменилась в худшую сторону. За чертой нищеты оказалось 34% опрошенных семей безработных (до утраты работы - 6%), а за чертой бедности - 39% (ранее - 20%). Заметно (на 30 пунктов) уменьшилось число семей, живущих выше среднего достатка. Следует подчеркнуть, что показатели социальной стратификации населения по доходному признаку по самооценкам респондентов и объективным показателям очень близки.

Выборка в данном исследовании репрезентировала социально-демографический и социально-профессиональный состав безработных в Москве. Поэтому, естественно, что подавляющее большинство опрошенных - это женщины, служащие и специалисты. Каждый третий респондент считает утрату работы крушением всех своих надежд, еще 49% более оптимистичны и смотрят на потерю работы как на временное затруднение, и только 16% видят в этом возможность передохнуть и «прийти в себя». При этом для каждого пятого проблема трудоустройства очень остра, и он готов устроиться на работу немедленно. Половина безработных полагает, что утрата ими работы сказалась на отношениях в семье: в 16% семей отношения стали более натянутыми, в 16% - раздражительными, в 4% - резко конфликтными.

Эти два сюжета опроса свидетельствуют о том, что половина семей безработных москвичей нуждаются в большей социальной и психологической поддержке. Анализ модели социальной защиты семей данного типа свидетельствует, что она организационно похожа на европейские модели социальной защиты семей безработных. Однако по линии министерства социальной защиты ее отличает крайне низкий норматив исчисления пособия, что заметно снижает его эффективность, а по линии служб занятости – невозможность ежемесячно оказывать материальную помощь тем семьям, где среднедушевой доход ниже прожиточного минимума. Поэтому подавляющее большинство респондентов (более 80%) считает материальную поддержку недостаточной.

В современной России четко прослеживается ухудшение отношения к бедным. При этом сами бедные называют три главные причины собственной бедности: длительная безработица, недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению и семейные несчастья. Бедность чаще стала ассоциироваться в общественном мнении с пьянством и наркоманией, а также другими асоциальными формами поведения. В то же время, россияне в большинстве своём признают, что к бедности в современном российском

обществе могут привести и не зависящие от людей обстоятельства (болезнь, смерть кормильца и т. д.), которые в условиях недостаточности государственной поддержки зачастую играют роковую роль. В результате такого видения причин бедности исчезает чётко выраженное отношение к бедным как к единой социальной группе, происходит, по сути, «дробление» проблемы бедности на ее отдельные проявления.

В стране возникла уникальная категория "новых бедных" - группы работающего населения, которые по своему образовательному уровню и квалификации, социальному статусу и демографическим характеристикам никогда ранее не были малообеспеченными[11]. В современной России широко распространена бедность работающих. Иначе говоря, в наши дни наличие работы не гарантирует россиянам защиту от бедности. Не случайно собственные доходы работающих российских бедных существенно отстают от доходов работающих небедных, а у пятой части работающих российских бедных даже не превышают 7 тыс. руб. Это говорит о неизбежности нахождения последних, в случае если им не помогут другие члены семьи, в абсолютной бедности, денежным критерием которой выступает прожиточный минимум. Причем это не результат реформ 1990-х годов, как принято думать, а постоянно воспроизводящийся феномен. Появление «новых бедных» как массовой (составляющей более половины всех бедных) группы свидетельствует об очень высоких рисках оказаться в группе бедных даже для вполне благополучных в данный момент россиян. К этому может подтолкнуть даже малейшее ухудшение ситуации в экономике или в их домохозяйстве в силу различных причин (развод, смерть кормильца, потеря работы и т. д.).

Перечисленные выше разного рода жизненные лишения не меняются в последние годы. Это позволяет использовать для оценки бедности в России широко распространенный в мире подход, основанный на выделении бедных не только по критерию душевого дохода, но и по критерию испытываемых ими лишений. Применение данного подхода дает основание утверждать, что численность бедного населения «по лишениям» составляет в России около 25% населения [5]. Это намного меньше, чем в 2008 г. и даже в 2003 г., но в разы больше, чем количество бедных «по доходу», выделяемых на основе официально принятой в России методики.

Из данных различных исследований социологи делают, на первый взгляд, парадоксальный вывод: бедные «по доходам» – далеко не всегда оказываются самой неблагополучной частью российского общества. Это означает, что бедность в её социологической (наиболее близкой к реальной жизни) трактовке распространена в российском обществе гораздо шире, чем принято думать. Отчетливо выраженное стремление жить хотя бы «как все» и неготовность принять на себя роль «живущего за чертой бедности» всё больше подталкивают бедное население страны к демонстративному потреблению. В российских условиях оно выражается, прежде всего, в активной покупке товаров длительного пользования. Ради покупки престижных ТДП – своего рода маркеров благополучия их владельца – многие бедные отвлекают деньги от других статей семейных расходов, включая питание, и залезают в долги. В итоге кредитная нагрузка на бедные домохозяйства, в т. ч. и за счёт дорогостоящих банковских кредитов, не просто очень велика – распространённость разного рода задолженностей, особенно кредитов банкам, в среде бедных за последние годы выросла в разы, что позволяет прогнозировать неизбежность дальнейшего ухудшения их положения.

Однако в своих расчетах прожиточного минимума Росстат продолжает не учитывать ряд обстоятельств – от разницы в стоимости жизни в различных населённых пунктах до особенностей потребительского поведения разных возрастных групп населения. Кроме

того, оценивать уровень жизни только на основании текущих доходов вообще не совсем правильно. Ведь понятно, что на реальном уровне жизни бедных заметно сказывается также накопленный ранее объем имущества, ресурсы, которые они могут привлечь через разные формы кредитов, а, кроме того, санкции, которые следуют (или не следуют) за не возврат этих кредитов. И уже тем более, здесь нельзя не учитывать особенности здоровья членов домохозяйств, а также различающийся в разных регионах и даже отдельных управляющих компаниях размер оплаты за услуги ЖКХ и т. д.

В целом, на основе использования социологических методов измерения российской бедности, картина ее общего количественного состояния, включающая основные группы бедных, оказывается в нынешний период следующей [5]:

9% - бедные «по доходу» - те, чей среднедушевой доход в домохозяйстве ниже официально установленного прожиточного минимума в данном регионе (по официальным данным Росстата, на конец 2012 г. таковых было 8,8%);

25% - бедные «по лишениям» - не только те, у кого среднедушевой доход ниже прожиточного минимума (он может быть и равен ему, и даже выше его), но и те, кто испытывает нужду в удовлетворении таких базовых потребностей как питание, жилищные условия, приобретение одежды и обуви, получение качественной медицинской помощи и т. п.;

4% - хронические бедные – те в составе бедного населения, которые находятся в состоянии бедности более 5 лет и характеризуются глубокой и застойной бедностью, качественно отличающейся от других видов бедности. Таких в России примерно 6 млн. человек.

Закрепление доли бедных, которые находятся в состоянии бедности более 5 лет, говорит о том, что в настоящий период в российском обществе наблюдается консервация бедности.

Наряду с процессами консервации бедности активно идут и процессы межпоколенческого воспроизводства бедного населения. Почти половина нынешних российских бедных – это люди, которые еще с детства принадлежат к «социальным низам». Собственный негативный опыт бедные проецируют и на возможности своих детей, априори низко оценивая не только их жизненные шансы в целом, но даже шансы вырваться со временем из состояния бедности. Тем самым формируется и приобретает устойчивые черты такой социальной слой, который принято называть андерклассом (категория людей, представляющих «социальное дно» общества, живущая вне рамок общества и являющаяся носителем культуры обездоленных).

В последние годы в России формируется и закрепляется новая форма социального неравенства бедных и небедных, характерная для начала XXI века – цифровое неравенство. Однажды возникнув, оно начинает, в свою очередь, препятствовать социальной мобильности бедных, поскольку навыки в области информационных технологий являются сегодня своего рода «входным билетом» на наиболее привлекательные рабочие места. И хотя наличие этих навыков само по себе не гарантирует занятие такого рода рабочих мест, отсутствие соответствующих компетенций достаточно жестко предопределяет отсутствие доступа к ним. Всеми слоями населения (но в наибольшей степени – именно бедными россиянами) очень остро и болезненно воспринимается проблема неравенств в современном российском обществе. Подавляющее большинство из них отмечает, что лично страдает от тех или иных типов неравенств. Однако оценивая распространенность практически всех типов неравенств, бедные чаще говорят о неравенствах, болезненных для всего общества, чем о тех неравенствах, от которых страдают они сами. Данный факт свидетельствует о критических несоответствиях между реалиями современного российского общества и

представлениями о «должном и справедливом», характерными для россиян вообще и бедных в частности.

Рейтинг наиболее острых и болезненных типов неравенств для общества в целом и для самих бедных в их оценках совпадает. На первом месте со значительным отрывом оказывается неравенство по доходам, затем следуют неравенство в доступе к медицинской помощи и неравенство жилищных условий, а также неравенство в доступе к рабочим местам. Все эти типы неравенств действительно ярко проявляют себя в повседневной жизни бедного населения, характеризуясь при этом некоторой возрастной спецификой.

Общая ситуация с неравенствами и их восприятием бедным населением в последние годы ухудшается. Неверие в то, что российское общество сможет стать справедливым в среднесрочной перспективе, характеризует более 70% бедных. Более того, подавляющее большинство из них не фиксируют никаких положительных изменений ситуации со справедливостью в последние годы. Все это говорит о том, что проблема неравенств и справедливости становится все острее и может привести к значимым негативным последствиям не только для бедных, но для всего общества.

Библиографический список

1. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011. Стат. сборник. М.: Росстат, 2011.
2. Симонян Р.Х. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества. Социс 2012. N1.
3. Шестакова Е., Соколова Т. Бедность и неравенство в постсоциалистических государствах. Мир перемен. 2008. N 1.
4. Российская газета от 22.11.07.
5. Аналитический доклад «Бедность и неравенство в современной России: 10 лет спустя» ИС РАН, Москва 2013.
6. Левада-Центр, исследование выполнено по заказу международной некоммерческой организации EU-Russia Centre; Бельгия <http://www.eu-russiacentre.org>
7. Социальные неравенства и социальная политика в современной России. Отв. ред. Горшков М. К., Тихонова Н. Е. М., 2008.
8. Гринберг Р. С. Парадоксы глобализации и Россия. М., 2007.
9. Вдовин А. И. Россия после августа 1991 года: проблемы и подходы к изучению истории. Мир и политика. 2009. N 12.
10. Шкаратан О. Российская "псевдозлита" и её идентификация в мировом контексте. Мир России. 2011. N 4.
11. Куда идет Россия. Белая книга реформ. Сост. Кара-Мурза С., Батчиков С., Глазьев С. М., 2008.

Bibliograficheskij spisok

1. Social'noe polozhenie i uroven' zhizni naselenija Rossii. 2011. Stat. sbornik. M.: Rosstat, 2011.
2. Simonjan R.H. Reformy 1990-h godov i sovremennaja social'naja struktura rossijskogo obshhestva. Socis 2012. N1.
3. Shestakova E., Sokolova T. Bednost' i neravenstvo v postsocialisticheskikh gosudarstvah. Mir peremen. 2008. N 1.
4. Rossijskaja gazeta ot 22.11.07.
5. Analiticheskij doklad «Bednost' i neravenstvo v sovremennoj Rossii: 10 let spustja» IS RAN, Moskva 2013.
6. Levada-Centr, issledovanie vypolneno po zakazu mezhdunarodnoj nekommercheskoj organizacii EU-Russia Centre ; Bel'gija <http://www.eu-russiacentre.org>
7. Social'nye neravenstva i social'naja politika v sovremennoj Rossii. Отв. ред. Gorshkov M. K., Tihonova N. E. M., 2008.

8. Grinberg R. S. Paradoxy globalizacii i Rossija. M., 2007.
9. Vdovin A. I. Rossija posle avgusta 1991 goda: problemy i podhody k izucheniju istorii. Mir i politika. 2009. N 12.
10. Shkaratan O. Rossijskaja "psevdojelita" i eë identifikacija v mirovom kontekste. Mir Rossii. 2011. N 4.
11. Kuda idet Rossija. Belaja kniga reform. Sost. Kara-Murza S., Batchikov S., Glaz'ev S. M., 2008.

Поплавская Ирина Анатольевна – кандидат социологических наук, кафедра социальной структуры и социальных процессов, социологический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, г. Москва, E-mail: tabirina@live.ru

Poplavskaya Irina – Ph.D, Department of Social Structure and Social Processes, faculty of Sociology of M.V. Lomonosov State University, Moscow, E-mail: tabirina@live.ru